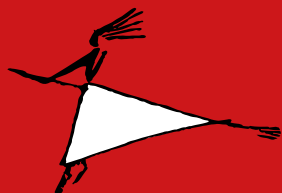

Николай
Гуданец,

ПЕВЕЦ СВОБОДЫ

или ГИПНОЗ
РЕПУТАЦИИ

~~Kuznetsov~~ Kuznetsov podryg

[illegible]

no to number, but lowest number
then as number draw the number draw

He ochodur, um kharompadur,
te panti o mbon ydith.

[illegible]

~~Muscul molleco Sydris uent Sydris-~~

*non detorru multo curass & p[ro]f[er]
lunarem i[n]sp[er]are ad opus
He ~~n~~ - norega m[er]it[us]*

Some common, autumnum myosin — in different
 vegetation moderate open — but
 common in ~~lower~~ segment of upper zone
 sometimes in the morning —

The authors have ^{carefully} ~~carefully~~ dealt as many as
 the conditions have different homophones as
 or must be taken; yet

3^a ~~Defin.~~ Quia vocat ea quae imperant
nobis ad se ^{uni-}mentum; ~~Note~~^{N.} ~~deinde~~, etc.
tunc per deum

всего в одной комнате в этом смысле
и инфекция коммунисма - из этого следует
большая опасность, предостерегаю от этого

suberinae comae - Le copazum - tuatopum tuatopum
 Rear the great milk ~~tuatopum~~ - tuatopum rear tuatopum

~~be found again.~~

~~be found again.~~

~~be found again.~~

~~be found again.~~

~~be found again.~~

~~be found again.~~

~~be found again.~~

49

~~be found again.~~

~~be found again.~~

~~be found again.~~

~~be found again.~~

~~be found again.~~

~~be found again.~~

~~be found again.~~

~~be found again.~~

~~be found again.~~

~~be found again.~~

~~be found again.~~

~~be found again.~~

~~be found again.~~

Николай
Гуданец

ПЕВЕЦ
СВОБОДЫ
или ГИПНОЗ
РЕПУТАЦИИ

ОЧЕРКИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
БИОГРАФИИ
ПУШКИНА
(1820–1823)

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2021

Научный редактор:

доктор истории *Л. А. Мосионжник*

Гуданец Н. Л.

Г935 «Певец свободы», или гипноз репутации. Очерки политической биографии Пушкина (1820–1823). — М. ; СПб. : Нестор-История, 2021. — 292 с.

ISBN 978-5-4469-2019-8

Принято считать, что Пушкин посвятил жизнь борьбе за свободу. Одним из поворотных событий его политической биографии является мировоззренческий кризис периода южной ссылки. Большинство пушкинистов считают, что причиной кризиса были переживания по поводу наступления российской реакции и поражения европейских революций, а его апогеем стало трагическое стихотворение «*Сеятель*» (1823), где поэт в порыве отчаяния обвиняет «мирные народы» в отсутствии у них потребности в свободе. Кризис не поколебал либеральные убеждения Пушкина, и после поражения декабристов он продолжал их дело в одиночку, пока его не сразила пуля Дантеса. Николай Гуданец убедительно доказывает, что кризис привел поэта к отказу от юношеского вольнодумства, был вызван иными причинами, случился и был преодолен ранее написания «*Сеятеля*». Это стихотворение не было итогом мучительных размышлений поэта, а явилось циничной поделкой, изготовленной с утилитарными целями. Для обоснования своей смелой концепции автор бросает вызов корифеям пушкинистики и дает новые ответы на хрестоматийные вопросы: почему поэт был выслан из Санкт-Петербурга; почему он не был принят в члены тайных обществ; почему разочаровался в греческом «пакольном народе», восставшем против османского владычества; почему черновик якобы проникнутого христианским духом «*Сеятеля*» соседствует в Первой масонской тетради с письмом к Ф. Ф. Вигелю, где скабрзные шутки и рекомендации гомоэротического характера сочетаются с религиозными кощунствами; почему Пушкин не решился ходатайствовать перед царем о смягчении участи друзей-декабристов? Книга приглашает к новому прочтению биографии и творчества основоположника современного русского языка и культуры и предназначена для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-4469-2019-8

9 785446 920198

© Н. Л. Гуданец, текст, 2021

© С. Е. Эрлих, предисловие, 2021

© Л. А. Мосионжник, указатель имен, 2021

© Оформление. Издательство «Нестор-История», 2021

Содержание

Эрлих С. Е. Гений парадоксов: «дум высокое стремление» или «замыслы кровавые и безумные»? <i>Предисловие издателя.</i>	5
От религии пушкинистики к науке пушкиноведения. <i>Предисловие автора</i>	23
I. Легендарный храбрец и «не пиитический страх»	29
II. «Либеральный бред» и душевный перелом	49
III. Зарифмованный кинжал и холодная душа	67
IV. «Лени много, а денег мало»	83
V. «Понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в свое общество»	91
VI. «Я был массон».	109
VII. Певец в темнице и ренегат на свободе	117
VIII. «Хладная толпа» восторженных поклонников	129
IX. «Русский Бейрон» и «пакостный народ».	141
X. Тайный образ мыслей присмирившего бунтаря.	157
XI. «Милость к падшим» и хроническая боязнь	163
XII. «Приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его»	191
XIII. Станный разворот масонской тетради	207
XIV. Расписка в отступничестве	225
Список иллюстраций. <i>Рисунки А. С. Пушкина из рабочих тетрадей и других источников</i>	237
Литература	247
Аннотированный указатель имен	267

[Faint handwritten notes, possibly bleed-through from another page]

Alumnus prof. conu. 1873
 Prof. conu. inu. 1873
 Prof. conu. inu. 1873
 Prof. conu. inu. 1873

[illegible]

۱۰۰

22 juin
1422

f.m.

**Гений парадоксов:
«дум высокое стремленье»
или «замыслы кровавые и безумные»?**

Предисловие издателя

Издательство «Нестор-История» существует семнадцать лет. За эти годы мы выпустили тысячи книг, но необходимость в издательском предисловии возникла впервые. Почему?

Прежде всего потому, что писатель Николай Леонардович Гуданец сделал открытие. Обратившись ко вдоль и поперек изученной теме, он привел убедительные аргументы в пользу того, что мировоззренческий кризис Пушкина, кульминацией которого традиционно считается стихотворение «Свободы сеятель пустынный...» (конец 1823), на самом деле произошел годом ранее.

Могут возразить: велика ли разница — годом раньше, годом позже? В данном случае, как говаривал Пушкин, — «дьявольская разница» (XIII, 73)¹, поскольку отнесение кризиса ко второй половине 1822 разрушает незыблемую концепцию дореволюционной, советской и современной пушкинистики, согласно которой разочарование Пушкина в освободительных устремлениях «мирных народов»

¹ Здесь и далее цитаты из произведений А. С. Пушкина даются по академическому полному собранию сочинений (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч. 1837–1937. В 16 [+1] т. / АН СССР. Ред. комитет: М. Горький, Д. Д. Благой, С. М. Бонди [и др.]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959*) в круглых скобках, с указанием римскими цифрами тома и арабскими — полутома и страницы.

порождено поражениями революций в Южной Европе в начале 1820-х. Но в 1822 в Испании и Португалии существовали конституционные монархии, учрежденные после победы революций в этих странах. В Греции в том же году была провозглашена республика. Следовательно, главная причина пушкинистов становится не только не главной, но и перестает быть, говоря ученым языком, релевантной.

Почему пушкинисты нескольких поколений, в том числе и наши современники, практически единогласно приводят ложную причину сетований Пушкина на то, что «чести клич» его вольнолюбивых стихотворений не способен разбудить «стадо баранов», как выразился авторитетный комментатор «*Сеятеля*» Е. Г. Эткинд?²

Причиной тому власть пушкинского мифа, который существует в двух ипостасях. Для тех, кого все реже именуют интеллигенцией, Пушкин — это лучезарный Аполлон: воплощенная гармония ясности и глубины, квинтэссенция свободолюбия, нравственный ориентир на все времена. Народный Пушкин — картежник, гуляка, проказник и дуэлянт, напротив, олицетворяет дионисийскую стихию. Разумеется, между двумя мифологическими образами не лежит пропасть. Пушкин «простецов» тоже порой пописывает стишки: «На берегу реки Дуная Пушкин с*** на Николая». Интеллигенция, в свою очередь, смакует пикантные подробности личной жизни поэта: пресловутый «донжуанский список», эпистолярное сквернословие, дуэльные истории, карточные долги и т. д. Причина этой «конвергенции» состоит в том, что источник интеллигентской и народной веры в аполлонического/дионисийского Пушкина — общий: «вздых угнетенной твари», лишенной в первом случае воли, а во втором — свободы³.

Гуданец рассматривает прежде всего академический извод пушкинского мифа и дает «насыщенное описание» (К. Гирц) истории коллективной слепоты тех, кого принято считать представителями строгого академического знания. «Слепая зона» исследовательской оптики обусловлена тем, что вокруг Пушкина сложился культ, согласно которому он не только гениальный поэт и основоположник современного русского языка и культуры, но и человек беспримерных

² Эткинд Е. Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М.: Языки славянской культуры, 1999. С. 364.

³ Благодарю доктора технических наук Виктора Ивановича Боршевича, который обратил мое внимание на народный вариант пушкинского мифа.

нравственных качеств, недостижимый образец для подражания: «Пушкин и себя, и всю грядущую русскую литературу подчинил голосу внутренней правды, поставил художника лицом к лицу с совестью, — недаром он так любил это слово»⁴. Он не просто литератор, расставляющий «наилучшие слова в наилучшем порядке» (С. Т. Кольридж), но пророк, указывающий нации направление развития: «Пушкин есть пророчество и указание»⁵. Под пером обожествляющих его исследователей великий поэт превращается в великого гражданина. Их Пушкин это Атлант, который после 14 декабря взвалил на плечи ответственность за судьбы России и в одиночку продолжил дело декабристов: «Гигантский труд, который он принял на себя, требовал подвижников. Он очень надеялся на возвращение декабристов»⁶.

Жан-Жак Руссо (?),
1832

Это легкомысленные французы могли придумать поговорку «хороший поэт, плохой человек» и применять ее, в частности, к великому моралисту Руссо⁷, который, по собственному признанию, сдавал в воспитательные дома детей, прижитых вне брака. В России мысль о том, что литературные достоинства текста не обязательно являются продолжением человеческих достоинств его автора, до сих пор воспринимается как кощунство. Из этого первобытного синкретизма рождается суеверный страх: если мы признаем, что на «солнце нашей поэзии» присутствуют некие моральные пятна, то тем самым поставим под сомнение безупречность его гениальных стихов⁸. Тем

⁴ Ходасевич В. Ф. Окно на Невский // В. Ф. Ходасевич. Собр. соч. В 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 1. С. 490.

⁵ Достоевский Ф. М. Пушкин (очерк) // Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. Т. 26. С. 137.

⁶ Гордин Я. А. Гибель Пушкина. 1831–1836. СПб.: Пушкинский фонд, 2016. С. 61.

⁷ Кардаш Е. «Корчил Байрона, а пропал, как заяц»: Опыт комментария // НЛО. 2016. № 4. <https://magazines.gorky.media/nlo/2016/4/korchil-bajrona-a-propal-kak-zayacz-opyt-kommentariya.html>.

⁸ Благодарю научного редактора этой книги — доктора истории Леонида Авраамовича Мосионжника, обратившего внимание на этот мотив идеализации героев русской культуры.

более что наш Пушкин в отличие от ихнего Руссо был против помещения своего внебрачного ребенка в воспитательный дом. Вот что он «с отеческой нежностью» пишет в конце апреля — начале мая 1826 кн. П. А. Вяземскому по поводу плода своей африканской страсти к крепостной девушке Ольге Калашниковой, которую он сперва «неосторожно обрюхатил», а потом отослал с глаз долой: «При сем с отеческою нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке, если то будет мальчик. Отсылать его в Воспитательный дом мне не хочется» (ХШ, 274–275).

Разумеется, не пушкинисты сотворили мифологему: *Пушкин, подобно гоголевской даме, прекрасен во всех отношениях*. Это продукт общественной мысли, представленный публике в ходе Пушкинских торжеств 1880 года. Но корпорация пушкинистов едва ли не в полном составе присоединилась к церкви пушкинобожия. Ее представители, вещая от авторитетного имени науки, много поспособствовали обращению элит и масс в пушкинскую веру. В иерархии культа пушкинисты исполняют роль жрецов, единственно способных правильно трактовать священное писание произведений Пушкина и священное предание свидетельств его современников. Поэтому любое высказывание, которое покушается на дух и букву канонизированного ими учения, пушкинисты объявляют ересью.

Я хочу быть правильно понятым. Пушкиным занимались и занимаются множество специалистов высокой квалификации, которые внесли и вносят неоценимый вклад в исследование текстологии, биографии и творчества национального поэта. Среди недавних достижений я бы отметил продолжающуюся силами сотрудников Пушкинского Дома публикацию нового полного собрания сочинений в двадцати томах, где не только изменены датировки многих произведений, что чрезвычайно важно для понимания их смысла, но и пересмотрен состав пушкинского наследия. Так, одно из двух черновых посланий В. Ф. Раевскому («*Не даром ты ко мне воззвал*» / «*Не тем горжусь я, мой невец*»), благодаря убедительной аргументации, предложенной заместителем главного редактора полного собрания сочинений Е. О. Ларионовой и ответственным секретарем издания С. Б. Федотовой, датируется не 1822, а предположительно началом ноября 1823⁹. В новом собрании

⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 20 т. СПб.: Наука, 2016. Т. 2. Кн. 2. С. 899.

сочинений также отсутствует известное стихотворение «*Мое беспечное незнание...*». Усилиями Е. О. Ларионовой установлено, что оно было сконструировано И. Н. Медведевой из черновых набросков к стихотворению «*Демон*»¹⁰. Эти важные научные открытия потребовали от Гуданца внести серьезные коррективы в книгу.

Он предлагает различать в исследованиях творчества Пушкина их научную составляющую — пушкиноведение и пушкинистику — положения научных работ, сформулированные под влиянием мифа. Следует уточнить, что миф и наука (вера и знание) неизбежно сосуществуют в нашем сознании. В этом симбиозе миф играет роль «операционной системы» рационального мышления. В тех вопросах, где не затрагиваются основы мифа, пушкиноведение прекрасно работает на основе строгих научных процедур. Это «мифонаучное» единство противоположностей неизбежно сопровождается борьбой, так как миф стремится подмять науку и ревниво относится к любому, кто решается выскочить за его флажки. При попытке побега прекрасная панночка пушкиноведения превращается в ведьму пушкинистики, которая призывает Вия общественного мнения предать еретика анафеме. Один против всех — это страшно. Несмотря на это, обязанность ученого состоит в расширении сферы науки в своих исследованиях, для чего требуется постоянный самоконтроль над тем, какие именно мифы управляют нашим научным поиском.

Магнитное поле пушкинского мифа является серьезным препятствием для его преодоления изнутри отечественной пушкинистики. После 1991 появилось несколько исследований культа «солнца нашей поэзии», но даже самые отчаянные мифоборцы не покушаются на сердцевину пушкинской мифологии, согласно которой Пушкин всю жизнь боролся за политическую свободу.

Западным славистам, которые меньше вовлечены в мифы русской культуры, легче осуществить пересмотр устоявшихся представлений. В книге Гуданца упоминается статья американского исследователя Джозефа Пешио, посвященная «секретнейшему союзу» — обществу «*Зеленая лампа*», на заседаниях которого молодой Пушкин укреплялся в вольных мыслях. Вопреки интерпретациям лидера советского декабристоведения М. В. Нечкиной,

¹⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 20 т. Т. 2. Кн. 2. С. 748.

которая стремилась представить это общество «побочной управой» Союза Благоденствия¹¹, заседания «Зеленой лампы» мало походили на «партсобрания» декабристов. Пешио именует поведение «лампистов» либертинажем, т. е. «сочетанием свободомыслия с игнорированием норм поведения и морали». Он с удивлением отмечает, что даже после 1991 интерес к архивным материалам «оргиаческого общества»¹² минимален, они до сих пор не изданы, несмотря на тщательные розыски любых свидетельств, где хотя бы мельком упоминается Пушкин. Пешио поражен тем, что до него эти материалы, хранящиеся в Пушкинском Доме и представляющие незаменимый источник для реконструкции раннего периода литературной эволюции национального поэта, затребовали лишь три исследователя. Причину *лености и нелюбопытства* (VIII/1, 462) американский славист усматривает в том, что, по мнению жрецов пушкинского культа, невозможно признать тот факт, что «Пушкин в двадцать лет увлекался шампанским, актрисами и Пиром»¹³ в той же мере, что и встречами с политическими радикалами», поскольку это представляется вызовом охраняемому ими «объекту национального почитания»¹⁴.

В России вызов жреческому сословию пушкинистов был брошен извне филологом-экономистом Н. Я. Петраковым¹⁵. Он обстоятельно аргументировал неожиданную гипотезу о том, что так называемый диплом Ордена роконосцев, который

¹¹ См., напр.: Нечкина М. В. Движение декабристов. В 2 т. М.: АН СССР, 1955. Т. 1. С. 240. Ранее, в 1908, П. Е. Щеголев выступил против рассмотрения «Зеленой лампы» как «обыкновенного оргиаческого общества»: «По уставу Союза Благоденствия каждые десять членов Союза, составляющие т. н. Управу, должны заводить *вольные общества*. <...> Мы лично принимаем кружок «Зеленой Лампы» за «вольное общество»... Кружок как бы являлся отображением Союза...» (Щеголев П. Е. «Зеленая лампа»: [Вступит. ст.] // Пушкин и его современники: Мат-лы и исслед. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1908. Вып. 7. С. 20, 36, 38. Курсив автора.)

¹² Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху. Минск: Лимариус, 1998. С. 57, прим. 1. Курсив автора.

¹³ Пирон Алексис (1689–1773), французский драматург, поэт и юрист, автор злых эпиграмм и эротической «Оды Приану».

¹⁴ Peschio J. Lighting The Green Lamp: Unpublished and Unknown Poems // Taboo Pushkin: topics, texts, interpretations. Madison: The University of Wisconsin Press, 2012. P. 86, 89, 90.

¹⁵ Петраков Н. Я. Пушкин целился в царя: Царь, поэт и Натали. М.: Алгоритм, 2013.

стал предлогом смертельной дуэли с Дантесом, был изготовлен самим Пушкиным. Поэт, как сейчас принято говорить, нарывался на дуэль. Таким уникальным способом Пушкин, по мнению Петракова, пытался спасти свою честь от посятательств Николая Павловича на *чистейшие прелести* (III/1, 224) Натальи Николаевны, а также стремился вырваться из тисков непосильной для него по финансовым соображениям великосветской жизни. Разумеется, в данном щекотливом вопросе любая версия событий всегда останется только гипотезой, но версия Петракова тщательно проработана. С ней не обязательно соглашаться, но, прежде чем отвергнуть, ее стоило бы обсудить. При любом исходе это обсуждение позволило бы уточнить наши знания о последних днях поэта. Но пушкинисты, как мне сообщил Николай Яковлевич, от дискуссии высокомерно уклонились, сведя «бахтинианский диалог» к насмешкам над мелкими фактическими неточностями книги.

В связи с вышесказанным нет ничего удивительного в том, что очередной пересмотр концептуальных окаменелостей пушкинистики вновь осуществлен со стороны, усилиями русского писателя, проживающего в Латвии. Гуданец пишет политическую биографию, поэтому в центре его внимания находится политическая ипостась пушкинского мифа, а именно мифологема «певец свободы», согласно которой поэт с молодых ногтей до последнего вздоха думал об освобождении своих крепостных и всего русского народа от гнета самодержавия. В результате такого вчитывания «мой Пушкин» рафинированных пушкинистов оказывается в одном эстетическом ряду с продуктами китча вроде «горького

Наталья Николаевна
Гончарова (Пушкина),
май — июнь 1830

и молочного шоколада» имени Александра Сергеевича¹⁶. Чтобы приблизиться к тому Пушкину, который, в отличие от хранителей своего наследия, самокритично признавал, насколько «малодушно» он погружен «в заботах суетного света» (III/1, 65), Гуданец ведет тщательные раскопки отягощенных идеологией интерпретаций, демонстрируя, до каких нелепостей договариваются даже лучшие умы, вовлеченные в черную дыру «мифоэнтропии».

Разумеется, жрецы пушкинского культа не простят ему такого святотатства. И у нас уже есть их отклики. Учитывая опыт книги Н. Я. Петракова, смешные ошибки которой можно было легко исправить с помощью специалистов без какого-либо ущерба для авторской концепции, мы решили от имени издательства предварительно разослать рукопись всем моим знакомым пушкинистам и другим исследователям пушкинской эпохи, чтобы устранить фактические неточности. Реакция коллег была консолидированной. Никто не попытался опровергнуть принципиальные положения книги о датировке и реальных причинах духовного кризиса ссыльного поэта. Предполагаю, что контраргументов не нашлось. На фактические ошибки указали немногие, спасибо им за это огромное! Остальные ограничились «критикой дискурса».

Как личное оскорбление я воспринял высокомерные «камен-ты» через губу в духе «Многа букаф, ниасилил», в переводе с «языка падонкаф» означающие: «Я — жрец с докторской степенью не опускаюсь до разбора сочинений дилетантов». Другие замечания столь явственно говорят за себя, что нет смысла их комментировать:

— «Автор не любит Пушкина, поэтому я дальше читать отказываюсь»;

— «Зачем автор критикует советских пушкинистов? Разве он не понимает, в каких нечеловеческих условиях этим святым людям приходилось нести свой пушкинистский крест?»;

— «Автор не прав! Пушкин не отказался от либеральных идей, просто после кризиса он их тщательно таил»;

— «Автор неправомерно ищет связи между биографией и творчеством. Это устаревший подход. Сейчас принято рассматривать тексты вне биографического контекста, исключительно в связи с другими текстами».

¹⁶ <https://www.moscowbooks.ru/book/873870/>

Надо признать, что Гуданец сам внес вклад в то, чтобы его книга вызывала неприятие читателей, поклоняющихся верховному богу русской культуры, а таковыми являются практически все думающие по-русски. Он не ограничивается критикой зачастую абсурдных построений исследователей, рассматривающих Пушкина через розовые очки мифа. Порой Гуданец начинает ломиться в открытые ворота и обвинять поэта в том, что сам Пушкин неоднократно признавал, а именно — что в человеческом смысле он далеко не всегда был под стать своему поэтическому гению: «И меж детей ничтожных мира, / Быть может, всех ничтожней он» (Ш/1, 65). Запальчивость автора свидетельствует о том, что он испытывает что-то вроде фантомной боли по утраченной вере в «русского человека в его развитии <...> через двести лет» (Н. В. Гоголь).

Было бы неправильным сравнивать этот «рессентимент» с разочарованием ребенка, который узнал, что Деда Мороза не существует, поскольку «утраченные иллюзии» Гуданца — это естественная реакция на столкновение мифа с историей. Я испытывал подобные чувства, когда, воспитанный, как и все советские люди, на герценовском мифе о «рыцарях с головы до ног, кованных из чистой стали», открыл на втором курсе университета следственные дела декабристов, где они не по-рыцарски выдавали и оговаривали друг друга и не принятого ими в тайное общество Пушкина.

Подобный шок, думаю, пережили все читавшие эти «слишком человеческие» документы. Так, выдающийся пушкинист и декабристовед П. Е. Щеголев вспоминал, что когда после революции 1905 открылись архивы следствия, то извлеченные из них «многие знания» вселили

горькое разочарование в современное сознание, полное благовойной памяти о героях 14 декабря. Привлеченные к следствию заговорщики от прапорщика до генерала не проявляли никакой стойкости и с удивительной безудержностью спешили поведать своим судьям все тайные действия, все мысли, даже самые сокровенные; спешили назвать возможно больше имен, хорошо зная, что всякое указание влечет за собой арест, не останавливаясь по временам даже перед наветами и оговорами своих товарищей и раскаивались, раскаивались без конца¹⁷.

¹⁷ Щеголев П. Е. Декабристы. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. С. 138.

После первого знакомства с этими наветами, оговорами и раскаяниями я декабристов возненавидел, но по мере изучения истории тайных обществ постепенно сроднился с ними и стал их рассматривать уже не из герценовской перспективы. Осмелюсь засвидетельствовать, что в процессе подготовки книги отношение Николая Леонардовича к Александру Сергеевичу начало претерпевать схожую эволюцию.

В любом случае мы должны быть благодарны автору этой интригующей книги за его одинокое восстание против наслоений лжи, в которую поколения жрецов пеленают мумию бога русской культуры. Своим гневным и пристрастным взглядом Гуданец сумел обнаружить те связи явлений, которые остались скрытыми от сотен его предшественников.

Почему это важно именно сегодня? Если Великая Отечественная война — это передовая национальной памяти, то культ Пушкина является последней линией обороны русской идентичности, т. е. идентичности народа, который с именем Пушкина на устах создал *всемирно отзывчивую* культуру, выходящую далеко за национальные рамки и представляющую, по словам Г. С. Померанца, синтез всех ведущих национальных культур Европы. Даже те, кто готов рассматривать с точки зрения истории подвиг 28 героев-панфиловцев, не в состоянии отрешиться от пушкинского мифа. Перефразируя слова, приписываемые политруку Клочкову, — «Широк русский человек, но отступать некуда, — позади Пушкин!»

Сегодня всемирно отзывчивый народ переживает кризис веры в собственные силы. Как нам преодолеть энтропию безвременья и перестать впадать в ничтожество? Инстинктивное возвращение к корням в виде благоухающей нафталином традиции «духовных скреп» — это простое и неправильное решение, которое приближает нас к духовной гибели.

Пушкин, несомненно, является одной из «скреп» нынешнего режима. Так, 19 октября 2011 во время своей президентской кампании премьер тогдашней «танDEMократии» Путин вещал, стоя на лужайке у Царскосельского лицея рядом с памятником «выдающемуся сыну русского народа»: «Все русские люди и все представители народов России, для кого не чужда русская культура и русский язык, кто чувствует неразрывную связь с русской культурой и русским языком, да и для всех ценителей русской культуры

во всем мире лицей прежде всего известен тем, что в его стенах воспитывался и из его стен вышел выдающийся сын русского народа, гениальный поэт — Александр Сергеевич Пушкин»¹⁸. Выступление на холодном ветру не позволило ловкому говоруну, который кокетливо именует себя «специалистом по общению»¹⁹, согласовать члены длинного предложения. Но вопреки неладам с синтаксисом смысл высказывания прозрачен: «Пушкин — та Национальная Скрепка, которая “связывает Россию”»²⁰, что в переводе с языка опричников кремлевской администрации означает — традиция, позволяющая им связывать Россию по рукам и ногам. Не случайно в поздравительной телеграмме, которую Путин в тот же день направил участникам празднеств в честь двухсотой годовщины Царскосельского лицея, были упомянуты заложенные в «стенах лицея» и освященные именем Пушкина «замечательные традиции российского образования, культуры, просвещения, которые и сегодня — в высшей степени востребованы»²¹.

Мне могут возразить, что нынешняя власть, лицемерно заявляя о верности «замечательным традициям» / «национальным скрепам» пушкинского Лицея, на самом деле безжалостно искореняет либеральное наследие «выдающегося сына русского народа».

Давайте взглянем на Пушкина не циничными глазами Путина, а влюбленным взором пушкинистов. Тогда мы увидим национального поэта, который до последнего вздоха был предан идеям свободы, но в условиях «николаевской реакции» был вынужден примиряться с мерзкой действительностью и таить вольные мысли от окружающих. Оставаясь в глубине души убежденным либералом, Пушкин, находившийся в стесненных обстоятельствах (в вольном переводе на современный язык — «у него была ипотека»), был вынужден в записке «О народном воспитании» объяснять императору, до чего либеральные идеи довели его друзей-декабристов:

¹⁸ Владимир Путин принял участие в торжествах, посвященных 200-летию Царскосельского лицея // Российская газета. 2011. 19 окт. <https://rg.ru/2011/10/19/lacey-anons.html>

¹⁹ Шулов Александр. «Я — специалист по общению с людьми» // Независимая газета. 2000. 28 марта. https://www.ng.ru/specfile/2000-03-28/12_specialist.html

²⁰ Радзиховский Леонид. Свой среди чужих // Российская газета. 2017. 13 февр. <https://rg.ru/2017/02/13/leonid-radzhovskij-pushkin-eto-nacionalnaia-skrepa-rossii.html>

²¹ Путин поздравил Царскосельский лицей с 200-летием // РИА Новости. 2011. 19 окт. <https://ria.ru/20111019/464189405.html>

«[М]ы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания, разговор исключительно политический; литературу (подавленную самой своенравною цензурою), превратившуюся в рукописные пасквили на правительство и возмутительные песни; наконец, и тайные общества, заговоры, замыслы более или менее кровавые и безумные» (XI, 43), — т. е. от либерального воспитания людей с хорошими дворянскими лицами и политических разговорчиков вне строя до «кровавых и безумных» заговоров декабристов — дистанция совсем не огромного размера.

Чтобы не допустить повторения «майдана» на Сенатской, по мнению пророка «тайной свободы» (II/1, 65), необходимо усилить «присмотр» за нравами, «кои находятся в самом гнусном запущении. Для сего нужна полиция, составленная из лучших воспитанников; доносы других должны быть оставлены без исследования и даже подвергаться наказанию; чрез сию полицию должны будут доходить и жалобы до начальства. Должно обратить строгое внимание на рукописи, ходящие между воспитанниками. За найденную похабную рукопись положить тягчайшее наказание; за возмутительную — исключение из училища» (XI, 45–46). Чиновник III отделения М. М. Попов ехидно прокомментировал данный пассаж: «Это — учитель, который именно то делал, что запрещал делать ученикам!»²² Гуданец остроумно назвал это откровение тщательно законспирированного вольнодумца доносом на горячо любимый Царскосельский лицей. Формально это не так, поскольку речь идет о кадетских корпусах. Но неформально педагогический совет «положить тягчайшее наказание» можно без большого преувеличения считать, используя терминологию пушкинской записки, доносом не «лучшего воспитанника» Лицея, которого, кстати, «так [не] учили» (Е. Л. Шварц), на целевую группу почитателей его как «похабных», так и «возмутительных» стихов.

Конфиденциальную записку, где «замыслы» членов тайных обществ именуются «кровавыми и безумными», Пушкин пишет примерно в то же время, когда рифмуется конспиративное послание в Сибирь, в котором утверждается, что бесценным пушкинским друзьям присуще «дум высокое стремление». В каком случае,

²² Попов М. М. Александр Сергеевич Пушкин // Пушкин в забытых воспоминаниях современников. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. С. 137.

характеризуя замыслы/думы декабристов, Пушкин был искренен? Отвечая на этот вопрос, пушкинисты, поднаторевшие в оправдании любого поступка своего божества, объяснят нам, что Пушкин вовсе не был двурушником. Он писал царю о «преступных заблуждениях» членов тайных обществ, наступив на горло собственной песне, скрепя сердце и кривя душой исключительно в интересах дела, чтобы иметь возможность морально поддержать благородных каторжников «во глубине сибирских руд».

Выходит, что высокие цели национального поэта оправдывают его не самые благовидные средства? Тогда если правы воспитанные на работах советских пушкинистов остатки русской интеллигенции и Пушкин — это «культурный код России»²³ / «культурный код русского человека»²⁴ или главный «ген» этого кода, который «сидит в нас с пеленок и сопровождает всю жизнь, проявляясь в языке, культуре, отношении к жизни»²⁵, то выходит, что пушкинское наследие двоемыслия формирует наше мышление и поведение?

«Отношение к жизни» наших современников, именующих себя либералами, наталкивает на мысль, что многие из нас (я, увы, тоже принадлежу этой группе) впитали двойные стандарты цинизма, завещанные непреклонным «певцом свободы». Под цинизмом подразумевается отсутствие связи между убеждениями и поведением (П. Слотердаик). Мне могут возразить, что подобные инвективы напоминают старую школьную присказку: «Кто виноват? Пушкин!»²⁶ Разумеется, дело не в Пушкине, а в нашей политической трусости, которую мы скрываем от себя, сверяясь для самоуспокоения с биографией поэта.

Гуданец подчеркивает безальтернативность мифа о «певце свободы», который посмел, но суеверно — как вовремя высочил этот

²³ Квест-игра «Пушкин — культурный код России» // Центр. город. библиотека им. Н. К. Крупской. г. Тамбов. 2019. 15 окт. <https://www.culture.ru/events/532701/kvest-igra-pushkin-kulturnyi-kod-rossii>.

²⁴ Шлыкова Наталья. «Культурный код» А. С. Пушкина // Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина. 2019. 7 июня. <https://www.rsu.edu.ru/kulturnyi-kod-as-pushkina>.

²⁵ Почему Пушкин — «наше всё»? // Яндекс Дзен. 2018. 10 февр. <https://zen.yandex.ru/media/rossiya/pochemu-pushkin-nashe-vse-5a7e95689d5cb3761ceaoc15>.

²⁶ Дудин Владимир. Кто виноват? Пушкин! // Независимая газета. 2016. 28 апреля. https://www.ng.ru/culture/2016-04-28/8_opera.html.

заяц! — не вышел на площадь. Также автор книги сожалеет, что непреклонный декабрист Лунин оттеснен ныне на обочину коллективной памяти вместе с другими «друзьями по 14 декабря» императора Николая Павловича.

Смерть декабристского мифа²⁷ и нескончаемое благоговение перед Пушкиным, «реальным политиком» (Я. А. Гордин)²⁸, это симптом бледной немочи, не в первый раз поразившей нашу святую интеллигенцию. Так, после крушения в 1968 оттепельных надежд на реформирование советского режима многие интеллигенты, отмечает А. Л. Зорин, почувствовали, что образец, который декабристы задают своим вооруженным бунтом, является слишком рискованным для того, чтобы ему можно было следовать в повседневной жизни. Запутанному мыслящему тростнику эпохи развитого социализма «необходимы были иные мифологические прообразы, точно так же маркированные отчетливой оппозиционностью, но оппозиционностью не политического, а скорее этического свойства». Усилиями В. Э. Вацура, Ю. М. Лотмана, и Н. Я. Эйдельмана чаемый этический оппозиционер был сотворен из Н. М. Карамзина, который тогда сделал удивительную карьеру в «табели о рангах» русской литературы: «от подполковника до генерала армии или даже маршала, остановившись в одной или двух ступеньках от места генералиссимуса, прочно отведенного Пушкину». Востребованными оказались следующие черты, которыми выдающиеся исследователи-мифотворцы наделили придворного историографа:

1) «Партикуляристский идеал человека, выполняющего свой общественный долг в тиши кабинета»;

2) Занятия историей. «В текущий исторический момент ничего полезного или осмысленного сделать нельзя, существующая общественная практика не подлежит изменению, но мы должны сохранить подлинные сведения о прошлом»;

3) «Физический контакт с властью». Карамзин, который напрямую обращается к власти «со словами обличения, наставления, оказался очень созвучен сокровенным чаяниям интеллигента тех

²⁷ Эрлих С. Е. Свидетельство о смерти // Знамя. 2015. № 6. <https://znamlit.ru/publication.php?id=5955>.

²⁸ Гордин Я. А. Гибель Пушкина. С. 27.

лет, живущего с подсознательной мечтой о том, что власть имущие когда-нибудь спросят его, как им быть»²⁹.

Этот комфортный образец этической оппозиции, позволяющий не переступать черту и при этом сохранять самоуважение, льстит нам и потому до сих пор надежно защищен от критики. Я бы не стал его связывать исключительно с «мифологическим прообразом» автора «Бедной Лизы». Миф о «генералиссимусе» Пушкине, который, кстати, *de facto* исполнял при дворе историографические обязанности Карамзина, в полной мере воплощает столь любезные интеллигенции черты приспособленчества в камуфляже откровенности: «Позвольте мне сказать вам прямо, грубо, по-стариковски: вы великий человек, государь!» (Е. Л. Шварц).

В не так давно переизданной книге, которая в советское время носила название «Годы борьбы», Я. А. Гордин резюмирует политическую биографию камер-юнкера Пушкина, который, судя по всему, даже на придворный бал являлся ради того, чтобы посредством «физического контакта с властью» повернуть страну на дорогу прогресса: «Понимая безнадежность борьбы, он боролся до конца»³⁰. Вот и мы безнадежно боремся «до конца» по лукавым заветам «нашего всего»: беспощадно критикуем в социальных сетях Путина, но к ректору обращаемся исключительно «прямо, грубо, по-стариковски».

Приведу два из множества примеров. Летом 2020 проводилась зачистка вольнодумцев Высшей школы экономики. По политическим мотивам было уволено два десятка преподавателей. Как на это попрание академических свобод реагировали их коллеги числом в почти шесть тысяч человек? Забросали ректорат возмущенными письмами? Устроили забастовку? Вышли на митинги протеста? Бросились давать интервью представителям СМИ? Ничего подобного. Либеральные профессора в подавляющем большинстве хранили гордое терпенье. Когда журналисты обратились к ним за комментариями, «некоторые преподаватели отказались

²⁹ Зорин А. Л. «Записка о древней и новой России» Н. М. Карамзина в общественном сознании 1960–1990-х годов // Империя и либералы: Мат-лы международной конференции: сб. эссе. СПб.: Журнал «Звезда», 2001. С. 123–125.

³⁰ Гордин Я. А. Гибель Пушкина. С. 161.

разговаривать <...> даже на условиях анонимности»³¹. В ходе дискуссии в социальных сетях один из записных либералов объяснил свое молчание тем, что приговоренным к «децимации» все равно не поможешь, поэтому в интересах дела стоит сосредоточиться на поддержке белорусских протестантов: «Скинут Лукашенко, придет черед Путина, президент Навальный назначит хорошего ректора, и тот восстановит уволенных». Профессоры, взявшие на вооружение эту многоходовую логику, горячо поддерживали в социальных сетях — «За нашу и вашу свободу!» — антилукашенковские демонстрации «сябров». Статистика Фейсбука свидетельствует, что количество «постов» и «каментов» с бунтарским лозунгом «Жывэ Беларусь!» не в разы, а на два порядка превзошло число обсуждений пока еще мягких политических репрессий в Вышке.

Но где гарантия, что силовики, не встретившие сопротивления ученого «материала», не войдут во вкус и не попробуют, как они мечтают, погорячее и в масштабе всей страны? Аннулированный запрос прокуратуры от 4 октября 2020 к руководству РАНХиГС с требованием отчитаться «об участии студентов в несанкционированных акциях, сотрудничестве с иностранными НКО, об участии в мероприятиях, представляющих угрозу основам конституционного строя России и создающих “имидж государства-агрессора”»³², скорее всего, был фальстартом уже намеченной кампании по закручиванию академических гаек. Примечательно, что письмо протеста со словами: «Университет — это суверенное пространство академической свободы, в котором нет места давлению и преследованию по политическим мотивам» — подписали порядка трехсот студентов и девять (!) действительно отважных преподавателей из более чем шести тысяч научно-педагогических работников РАНХиГС³³.

9 из 6000 — это 0,15 %! Таков по гамбургскому счету нынешний потенциал свободы нашего либерального слоя, приученного

³¹ Васильева Анна, Тяжлов Иван. Вышку заменили увольнениями // Коммерсантъ. 2020. 1 сент. <https://www.kommersant.ru/doc/4474299#id1940992>

³² Тяжлов Иван, Васильева Анна. Прокурор ответит за студентов // Коммерсантъ. 2020. 26 окт. <https://www.kommersant.ru/doc/4548190>

³³ Открытое письмо студентов и сотрудников РАНХиГС. https://docs.google.com/document/d/1NGOl6okrKkrwk4d7Sx-N71dDTjHcQ2coLahlz1vR-Ks/mobilebasic?fbclid=IwAR3dKdNW03v9JiacL9KquHZozQ-s5hx3HcT-AJyjs1AoaJ_Keohom1fo3n8.

в лучших традициях пушкинского оксюморона «тайная свобода» таить от начальства свои истинные убеждения.

Именно эта актуальная часть политического наследия поэта подвигла Гуданца задаться кощунственным для верующих в бога-Пушкина вопросом: может, стоит пойти «другим путем» и переучредить русскую нацию на иных, непушкинских основаниях? В его книге нет ответа, как это возможно сделать. Но чтобы найти выход из нашего морока, чрезвычайно важно заставить нас встрепенуться посредством бесцеремонного вопрошания. Требуется мужество, чтобы поставить «проклятый вопрос» поперек течения пропагандистских сточных вод, тешащих наше национальное тщеславие. В стремлении стряхнуть с нас оцепенение снулой рыбы и состоит, на мой взгляд, авторское, как сейчас принято говорить, послание.

Допускаю, дорогой читатель, что доводы Гуданца не смогут вас убедить, но тогда вам придется искать контраргументы, что само по себе — интереснейшее занятие. В любом случае ваш взгляд на Пушкина не останется прежним. Хочется поблагодарить Николая Леонардовича за способность «остранить» инерцию мифа и пожелать всем увлекательного чтения. А уважаемым коллегам — исследователям Пушкина от души желаю того же, что и себе (в процессе подготовки этой книги к печати я тоже, пусть в ничтожной мере, причастился к «веселому имени» (А. А. Блок) национального гения): чтобы в наших трудах содержалось как можно больше науки-пушкиноведения и как можно меньше мифологии-пушкинистики.

Сергей Эрлих,
доктор исторических наук,
директор издательства «Нестор-История»

1911

Въ Евангелии
въ первомъ
матвѣе въ VII
Отъишъ

От религии пушкинистики к науке пушкиноведения

Предисловие автора

Великие труды и превосходные творения некоторых древних и новых поэтов должны внушать в нас уважение к ним, но отнюдь не благоговение, ибо это противно законам чистейшей нравственности, унижает достоинство человека и вместе с тем вселяет в него какой-то страх, препятствующий приблизиться к превозносимому поэту и даже видеть в нем недостатки.

К. Ф. Рылеев. 1820¹

У нас, как я уже и говорил, еще и по сию пору царствует в литературе какое-то жалкое, детское благоговение к авторам; мы и в литературе высоко чтим *табель о рангах* и боимся говорить вслух правду о *высоких персонах*. Говоря о знаменитом писателе, мы всегда ограничиваемся одними пустыми возгласами и надутыми похвалами; сказать о нем резкую правду у нас святотатство.

В. Г. Белинский. 1834²

Одною из самых характерных черт для русского интеллигента является подчинение авторитетам, следование в своих суждениях раз установившемуся мнению без желания его проверить и не допуская даже возможности критического к нему отношения.

П. Н. Столянский. 1914³

¹ Рылеев К. Ф. Несколько мыслей о поэзии: (Отрывок из письма к NN) // К. Ф. Рылеев. Сочинения. Л.: Худож. лит., 1987. С. 259–260.

² Белинский В. Г. Литературные мечтания: (Элегия в прозе) // В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 1. С. 42. Курсив автора.

³ Столянский П. Н. Пушкин и «Северная пчела» (1825–1837) // Пушкин и его современники: Мат-лы и исслед. Пг.: Тип. Имп. Акад. наук, 1914. Вып. 19/20. С. 164.

Жизнь и творчество Александра Сергеевича Пушкина исследованы вплоть до мельчайших деталей. Любознательность научного сообщества не пощадила самые интимные закоулки его биографии. Казалось, где тут может скрываться тайна?

Но сами исследователи-пушкинисты считают по-другому.

«Пушкин — такой ясный, прозрачный, как будто так легко понимаемый... А вот уже скоро минет сто лет с его смерти, а он стоит перед нами неразгаданной художественной и социологической загадкой»⁴, — сокрушался в 1935 В. В. Вересаев. Спустя полвека дело не пошло на лад. По мнению Н. Я. Эйдельмана, «Пушкин, вероятно, самый загадочный русский художник»⁵. В канун двухсотлетия со дня рождения поэта, судя по заявлению С. Г. Бочарова «о дефиците нашего понимания Пушкина при столь обширном изучении»⁶, загадка не слишком прояснилась.

Ту же мысль высказала И. З. Сурат: «В последние десятилетия <...> [в пушкинистике] разрыв между изучением и пониманием углубляется: накоплен колоссальный материал, но мозаика никак не собирается в целое»⁷. В ее статье отмечена главная причина плачевного положения дел: «Современной академической пушкинистике недостает “философского отношения к своему предмету” — условия, возводящего исследование “в степень научного знания”»⁸. Правильно ли я понял, что одна из лучших специалистов по Пушкину полагает, что сегодняшняя пушкинистика наукой в полном смысле не является? В поддержку тезиса «разрыв между изучением и пониманием углубляется» Сурат ссылается на устный доклад

⁴ Вересаев В. В. В защиту Пушкина // В. В. Вересаев. Загадочный Пушкин. М.: Республика, 1999. С. 327.

⁵ Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы: Из истории взаимоотношений. М.: Худож. лит., 1979. С. 4.

⁶ Бочаров С. Г. Из истории понимания Пушкина // С. Г. Бочаров. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 227.

⁷ Сурат И. З. Биография Пушкина как культурный вопрос // Новый мир. 1998. № 2. https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1998/2/biografiya-pushkina-kak-kulturnyj-vopros.html. Трудно судить, сознательно ли здесь приведена скрытая цитата из Б. М. Эйхенбаума, который еще до революции писал: «Чем усерднее разбивается пушкиноведение, тем сложнее становится задача цельного исследования» (Русская мысль. 1916. № 4. 4-я паг., с. 1. Цит. по: Эйхенбаум Б. М. О литературе: работы разных лет. М.: Сов. писатель, 1987. С. 487).

⁸ Сурат И. З. Указ. соч. Взятые в кавычки формулировки принадлежат Г. О. Винокуру.

В. С. Непомнящего, который в одной из публикаций заявил: «Тот, кто не знает Россию, не может понять Пушкина, даже хорошо зная русский язык. Нужно обязательно знать, и лучше бы любить, Россию, чтобы понять, что такое Пушкин, как мы это понимаем. Да и мы сами-то его не очень хорошо понимаем. <...> У нас нет целостного представления о Пушкине»⁹.

Что означают эти ламентации: публичное изъятие смирения либо авторитетные пушкинисты искренне расписываются в не очень хорошем понимании предмета своих исследований? Из вышеприведенных цитат следует, что исследователи не только вменяют в заслугу Пушкину свое непонимание его произведений, но и относят его жизнь и творчество к разряду явлений, «непостижных уму».

Р. А. Гальцева прямо утверждает, что в Пушкине сочетаются целых три тайны: «тайна творчества», «тайна духа» и «тайна личности» поэта¹⁰. Этот лейтмотив пушкинистики восходит к концовке знаменитой речи Ф. М. Достоевского, заявившего, что Пушкин «бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем»¹¹. Эффектный пассаж, заслуживающий аплодисментов на торжественном собрании, неуместен в устах исследователя. Ни загадка, ни тайна не входят в арсенал научных понятий. Это фигуры речи, которыми принято обозначать кажущееся отсутствие причинно-следственных связей. Для ученых любая тайна представляет собой явление, не получившее внятного разъяснения, поэтому им свойственно не пасовать с благоговением перед тайнами, а искать их разгадки. Вместо этого пушкинисты предлагают принять на веру, что не понятые ими тексты загадочного поэта безупречны. В результате пушкиника приобретает черты религиозного учения.

Из сказанного явствует, что в изучении Пушкина наука сосуществует с исповеданием веры. Необходимо различать две дисциплины. Науку я бы назвал пушкиноведением, а к пушкинистике отнес бы всё, что под видом науки воспроизводит идеологические

⁹ Непомнящий В. С. Пушкин. Россия. Мы. М.: Сестричество во имя прмц. вел. кнг. Елизаветы, 2001. С. 31.

¹⁰ Гальцева Р. А. По следам гения // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в. М.: Книга, 1990. С. 7–9.

¹¹ Достоевский Ф. М. Пушкин (очерк). С. 149.

предписания, в том числе и государственной машины. Как только между строк солидных монографий начинают реять партийные знамена или церковные хоругви, становится понятно, что мы имеем дело с пушкинистикой, то есть научным знанием, порабощенным либо религиозными, либо политическими доктринами.

Мысль ученого загоняется в наезженную колею не только давлением казенных стереотипов. Б. В. Томашевский отмечал: «Пушкинистами являются люди, исключительно влюбленные в личность и творчество Пушкина. Для них Пушкин — несравним, оценки Пушкина — незыблемы»¹². Но ведь исследователю подобает зоркость, а любовь, как известно, слепа.

В книге, которую вы читаете, я исходил из убеждения, что при изучении творчества великого поэта следует оперировать фактами в соответствии с логикой. Должен сказать, результаты такого подхода оказались неожиданными для меня самого. Выяснилось, что разрозненные факты, среди которых пушкинистика буксует вот уже полтора ста с лишком лет, могут объединиться в целостную и непротиворечивую картину, способную обходиться без религиозной веры в несравненное нравственное величие Пушкина.

Тем самым автор этих строк попал в щекотливое положение еретика, посягающего на святыню. Что ж, если мои рассуждения ошибочны, эта книга окажется курьезом, который вскоре забудется. В ходе работы я не раз мысленно обращался к словам А. Эйнштейна: «Развитие науки и творческая деятельность разума в целом требуют еще одной разновидности свободы, которую можно было бы охарактеризовать как внутреннюю свободу. Это — свобода разума, заключающаяся в независимости мышления от ограничений, налагаемых авторитетами и социальными предрассудками, а также от шаблонных рассуждений и привычек вообще»¹³. Обретение эйнштейновской свободы разума необходимо для достижения главной задачи моего труда — поспособствовать очищению пушкиноведения от пушкинистики.

Необходимо предупредить, что для тех, кто испытывает религиозный пиетет к Пушкину, знакомство с последующими

¹² Томашевский Б. В. Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения // Б. В. Томашевский. Пушкин: работы разных лет. М.: Книга, 1990. С. 53.

¹³ Эйнштейн А. Свобода и наука // А. Эйнштейн. Собрание научных трудов. В 4 т. М.: Наука, 1967. Т. 4. С. 241.

страницами книги окажется болезненным. Менее всего я хотел бы оскорбить чьи-либо чувства, поэтому напомним ту очевидную истину, что чтение книг является сугубо добровольным занятием.

Считаю своим долгом выразить искреннюю признательность научному редактору книги Л. А. Мосионжнику, а также сотрудникам издательства Е. Ф. Качановой, О. И. Киндыбалюк и С. Е. Эрлиху, чьи замечания позволили значительно улучшить текст книги. Особая благодарность Г. В. Засыпкиной за подготовку к печати рисунков Пушкина, которые, можно сказать, «оживили» книгу, И. А. Тимофееву за яркое художественное решение обложки и Л. Е. Голоду за изысканный дизайн книги. Необходимо поблагодарить В. И. Боршевича, И. О. Дементьева, С. В. Дигола, О. Р. Пекаря, В. Б. Столова и В. Д. Цуркана, чьи оценки позволили «сmodelировать» восприятие книги ее будущими читателями и внести в нее важные стилистические коррективы. Я чрезвычайно признателен профессиональным исследователям пушкинской эпохи: В. М. Есипову, М. В. Загидуллиной, О. И. Киянской, Н. Г. Охотину и В. А. Шкерину — за любезное указание на фактические неточности и за ссылки на важные исследования и источники по теме книги. Категорическое неприятие моей концепции этими уважаемыми профессионалами еще раз убедило меня в том, что пушкинский миф всё еще «живее всех живых», и укрепило в желании сделать мои наблюдения достоянием общественности. Я также в высшей степени благодарен Я. А. Гордину и О. А. Проскурину, которые не читали рукопись, но любезно консультировали по различным вопросам исследования. Разумеется, только я несу ответственность за все положения моей книги.

Николай Гуданец

~~Mr. J. B. Paxton~~ Dr. J. B. Paxton - Cal

Erpentinus mungui Kuhn

~~Kind~~ ~~an~~ ~~der~~ ~~Hand~~ ~~des~~ ~~Vertrags~~ ~~gehor~~

Hon. Mr. [unclear]
 [unclear] [unclear] [unclear] [unclear]
 [unclear] [unclear] [unclear] [unclear]
 [unclear] [unclear] [unclear] [unclear]

~~Handwritten text, possibly a signature or name, crossed out with a large 'X'.~~

~~Dear Mr. [unclear] [unclear] [unclear] [unclear] [unclear]~~

[illegible]

Вашему имению принадлежат

~~Wapiti~~ ^{Tahiti} - 68 garbunus omotus
^{Wapiti} ~~Wapiti~~ garbunus omotus

~~Dr. Johnson~~
Dr. Johnson - whose volume;
~~Dr. Johnson~~
~~Dr. Johnson~~

it has use in the range of —

*Lapsum corporis junctum
Mysterium ^{naturae bonae} ~~est~~ primum!*

I. Легендарный храбрец и «не пиитический страх»

Меня упрекают в изменчивости мнений. Может быть:
ведь одни глупцы не переменяются¹.

А. С. Пушкин

Мышление бывает двух видов. Медленное — когда мы рассуждаем, опираясь прежде всего на собственные наблюдения и выводы. Оно требует времени и сил и присуще творчеству. В повседневности мы часто используем быстрое мышление, опирающееся на готовые образцы (шаблоны, клише, штампы, паттерны, мифы), так как они основаны на коллективном опыте, который помогает быстро принимать верные решения во многих жизненных ситуациях. Вместе с тем быстрое мышление таит в себе опасность, поскольку даруемая им экономия времени соблазняет прибегать к нему в чуждых для него сферах, в том числе в науке².

Наше восприятие Пушкина в значительной мере находится во власти быстрого мышления. Достаточно вспомнить результаты теста на шаблонные реакции: птица — курица, фрукт — яблоко, часть лица — нос, поэт — Пушкин³. Благодаря господствующим мифам мы безоговорочно отводим герою этой книги уникальную

¹ См.: [Анненков П. В.] А. С. Пушкин: Материалы для его биографии и оценки произведений. СПб.: Т-во «Общественная польза», 1873. С. 152.

² Kahneman D. Thinking, fast and slow. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011.

³ Платонов К. К. Занимательная психология. М.: Молодая гвардия, 1964. С. 286.

позицию поэта-основоположника. Основоположник — это демиург, а значит, бог русской литературы. Об этом свидетельствует «троица» наиболее популярных формул, характеризующих Пушкина:

— «Солнце нашей поэзии»⁴. «Солнце» — источник жизни, воспетый во многих культах древности. Пушкин в своей «солярной» ипостаси может рассматриваться как *Бог-отец*;

— «Русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет» (Н. В. Гоголь. Курсив мой. — Н. Г.)⁵. Гоголевский Пушкин-сверхчеловек — это Сын Человеческий, чье второе пришествие обязательно свершится, а значит, перед нами *Бог-сын*;

— «Наше всё» (А. А. Григорьев)⁶ и следующее определение «представитель всего нашего душевного» (Курсив мой. — Н. Г.) являются отсылками поклонника гегелевской диалектики Аполлона Григорьева к феноменологии абсолютного духа. В такой перспективе пушкинский *Святой дух* из «ничто» соткал материю совершенного русского языка.

Предлагаемые «святотроичные» интерпретации — это всего лишь пародия смелых толкований некоторых воцерковленных пушкинистов. Тем не менее эти клише недвусмысленно характеризуют религиозное поклонение Пушкину⁷. Политическое содержание

⁴ 17 300 упоминаний в Google. Определение взято из краткого извещения о смерти А. С. Пушкина, написанного, с большой вероятностью, В. Ф. Одоевским и напечатанного 30 янв. (11 февр.) 1837 без подписи в газете *«Литературные прибавления к Русскому инвалиду»* (редактор А. А. Краевский): «Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался в цвете лет, в середине своего великого поприща!» и т. д.

⁵ 25 600 упоминаний в Google.

⁶ 34 700 упоминаний в Google.

⁷ Похабные анекдоты, литературные кощунства в духе Хармса и Синявского — это оборотная сторона религиозного культа Пушкина. Для понимания этого феномена можно упомянуть религиозный опыт Молдавии, где наибольшая в мире доля населения (95 %) отождествляет себя с православием (Orthodox Christianity's geographic center remains in Central and Eastern Europe // Pew Research Center. Religion & Public Life. 2017, 8 November. <https://www.pewforum.org/2017/11/08/orthodox-christianitys-geographic-center-remains-in-central-and-eastern-europe/>), при этом молдавский язык переполнен проклятиями в адрес Христа, Богоматери, святых, ритуалов и предметов религиозного культа. Виртуоз молдавской стендап-комедии и, как положено представителю местной интеллигенции, — модернизированный румын в душе, Константин Кеяну иронизирует по поводу обычаев молдавских крестьян-традиционалистов: «Самые святые вещи для молдаван — это вера в Бога

пушкинского культа выражается мифологемой «певец свободы»⁸: «Свобода принадлежит к основным стихиям пушкинского творчества и, конечно, его духовного существа. Без свободы немыслим Пушкин, и значение ее выходит далеко за пределы политических настроений поэта»⁹. В глаза бросается зазор между пафосной формулой «певец свободы» и ее ироническим первоисточником. В неоконченном послании Пушкина к членам общества «Зеленая лампа» (весна 1821) есть обращенные к братьям Всеволожским строки:

Вы оба в прежни времена
В ночных беседах пировали
И сладкой лестью баловали
Певца свободы и вина.
(II/2, 775)

Николай Васильевич Гоголь,
конец 1833 (?)

Усеченная до двух слов строка потеряла флер тонкой самоиронии, намертво прилипла к поэту. Из брошенной мимоходом блестяшки она превратилась в подернутую патиной бронзовую доску на отполированном постаменте, потому что горячую любовь и трепетное поклонение русского народа снискал не просто гениальный поэт, а непримиримый противник самодержавия и крепостничества. Он запечатлелся в благоговейной памяти потомков

и любовь к маме», поэтому «традиционные ругательства молдаван» обязательно включают «твою мать» в сочетании с Христом, Распятием, панихидой, свечкой и т. д. (*Cheianu Constantin. Opinie, Republica, Paradox // Moldova.org. 2007-02-02. <https://www.moldova.org/opinie-republica-paradox-11-28089-rom/>*). История умалчивает, какому из этих «бранных молдавских слов» шалун-переросток Пушкин обучил «серого попутая» наместника Бессарабской области И. Н. Инзова (*Модзалевский Л. Б. Примечания // Пушкин. Письма / Ред. и прим. Л. Б. Модзалевского. М.; Л.: Academia, 1935. Т. 3. С. 155*).

⁸ 10 400 упоминаний в Google.

⁹ Федотов Г. П. Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в. М.: Книга, 1990. С. 363.

Принято считать, что **Пушкин** посвятил жизнь борьбе за свободу. Одним из поворотных событий его политической биографии является мировоззренческий **кризис** периода южной ссылки. Большинство пушкинистов считают, что причиной кризиса были переживания по поводу наступления российской реакции и поражения европейских революций, а его апогеем стало трагическое стихотворение «**Сеятель**» (1823), где поэт в порыве отчаяния обвиняет «мирные народы» в отсутствии у них потребности в свободе. Кризис не поколебал либеральные убеждения Пушкина, и после поражения декабристов он продолжал их дело в одиночку, пока его не сразила пуля Дантеса.

Николай Гуданец убедительно доказывает, что кризис привел поэта к отказу от юношеского вольнодумства, был вызван иными причинами, случился и был преодолён ранее написания «**Сеятеля**». Это стихотворение не было итогом мучительных размышлений поэта, а явилось циничной поделкой, изготовленной с утилитарными целями.

Для обоснования своей смелой концепции автор бросает вызов корифеям пушкинистики и даёт новые ответы на хрестоматийные вопросы: почему поэт был выслан из Санкт-Петербурга; почему он не был принят в члены тайных обществ; почему разочаровался в греческом «**пакостном народе**», восставшем против османского владычества; почему черновик якобы проникнутого христианским духом «**Сеятеля**» соседствует в Первой масонской тетради с письмом к Ф. Ф. Вигелю, где скабрёзные шуточки и рекомендации гомоэротического характера сочетаются с религиозными кощунствами; почему Пушкин не решился ходатайствовать перед царём о смягчении участи друзей-декабристов?

Книга приглашает к новому прочтению биографии и творчества основоположника современного русского языка и культуры и предназначена для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-4469-2019-8

